

18+

Андрей Блинов

Странники

ПЕРЕИЗДАНИЕ

Андрей Блинов

Странники. Переиздание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40275932

ISBN 9785449617538

Аннотация

Андрей Блинов – писатель, сетературный критик, журналист. Мастер слова, и притом далеко не одного. Врожденная мизантропия нивелируется отчаянным и искренним желанием – по Толстому – «быть вполне хорошим». В свое время – автор амбициозного утверждения «Поэт не тот, кто живет поэзией, а тот, кто умирает ею». С тех пор, как данная сентенция обнаружила свою несостоятельность, старается избегать лозунгов и стереотипов. Создатель литературной мастерской «Облик» и музыкального проекта «heknows».

Содержание

Скифы – герои нашего времени (предисловие)	5
Скиф	9
Ласко	11
Среда. Начало	12
Дни. Триптих	14
Гадание	16
Вернуться бы к ней...	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Странники. Переиздание

Андрей Блинов

© Андрей Блинов, 2020

ISBN 978-5-4496-1753-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Скифы – герои нашего времени (предисловие)

Дорогие друзья! Мне, как и вам сейчас, повезло держать в руках первую книгу стихов Андрея Блинова – книгу в полной мере выстраданную, формировавшуюся не один и не два года. В ней совсем немного страниц, автор, насколько я его знаю, не любит «распыляться». В такой позе-позиции есть и плюсы, есть и минусы, но не будем сейчас о них. Итак, почему «Странники»? Почему не «Свеча», «Между слов» или еще какой-нибудь пафосный «ниочемный» заголовок, который так и просится на обложку первой книжки? Кто в этом случае герой?

«Вспоминаешь – отец ворчал: будь других умней...» Слово «странники» можно прочитать (а вернее, услышать) по-разному: помимо странствий, тут вам и странность, и стонение, и страдание, и старание. Вообще персонажи стихов Андрея, его лирические или сатирические герои всегда странные – по общепринятым меркам, конечно же. Они стонут «общественной морали», толпы, но сами являются ее порождением и подобием – да-да, как Печорин. Таков, к примеру, угрюмый меланхоличный Скиф – который сетует на провинциальное невежество, хотя сам явился оттуда, чтобы «терзать набегами» мегаполис, и сам оказывается бес-

силен перед своей «участью». Таков Мюнхгаузен, который, прежде чем «сгинуть и воскреснуть», пытался осчастливить безответные народные массы своими жизнеутверждающими сказками. Таков герой стихотворной мини-новеллы «Один», который, чувствуя свою непринадлежность к «стаду», все же выступает за него – и предсказуемо оказывается в дураках. Общество плохо принимает таких людей: они унижают мещанство, возвышаясь над ним, и делают неудобным покойный быт сытых.

Помимо этой нарочитой «инакости», другая типичная характеристика персонажей Андрея – гипертрофированная, мучительная совестливость, порой доводящая их до чувства персональной вины за всё происходящее вокруг, начиная со взаимоотношений в семье, заканчивая политическими, социальными и экономическими катаклизмами. Если вы не конченный циник, то тоже рискуете заразиться этой совестливостью. И это будет, пожалуй, самое правильное, что вы сможете сделать.

Вдобавок эти стихи поразительно, отточенно музыкальны. И умело вписаны в литературный контекст: от детских сказок до отсылок к Бунину, Чернышевскому или Блоку. Давайте уже начнем их читать.

Франтишек Июльский

* * *

Прекрасные стихи. Они не охватывают всех чувств, всей истории – они сделаны как бы пунктирно, выхватывая из общего огромного информационно-образного пространства отдельные куски, вспышки, знаки, символы... Но в этом и сила их, потому что мозг сам лепит из этих кусков целое – такое, какое видится каждому из нас. Читателю предоставляется возможность дополнить недостающее собственными впечатлениями, склеить собственными ощущениями. И это здорово.

Валерия Салтанова, поэт, публицист, литературный критик, переводчик, автор-исполнитель, редактор. Член Союза писателей и Союза журналистов России

Прямолинейность и неординарность, мизантропия и страдание, замкнутость и желание быть услышанным. В молодости приятно ощущать себя Холденом Колфилдом, готовиться ловить детишек во ржи. Но спустя время начинаешь замечать, что детишки-то к тебе не бегут. Более того, они смело прыгают в пропасть, обретают крылья и возносятся над твоей головой. А ты стоишь один как дурак в своей ржи. И такая вот ерунда во всём.

Андрей Блинов. Из интервью на litset.ru

Скиф

Мы по-прежнему скифы... как те, из глухих времен,
Постаревшие мигом на несколько сотен лет.
Мы попали не в рай: обычный жилой район,
Неприветливый, неухоженный, без примет.

Наше славное прошлое вытравлено из книг,
Нас сдавила тисками общественная мораль,
Но звериное, дикое, чуждое для иных —
Вырывается, не торопится умирать.

Кочевые инстинкты сгоняют с обжитых мест,
Мы терзаем набегами чопорный Петербург
И скупую Москву. А за ними – дремучий лес,
Где невежество даже губительнее, чем лук.

Правда, многие наши впиваются в сонный быт,
И седлают рабочие кресла, а не коней,
Забывая степное приволье и запах битв.
Я не верю, что та же участь грозит и мне...

...И явился к нему незнакомец в часы тоски,
С характерным прищуром иссушенных солнцем глаз,
И сказал: поднимайся ко мне на полрюмки, скиф.
Одному не в кайф, а двоим, глядишь, – самый раз...

Ласко

Взвыл механизм, закрипели оси,
Голого мира вздымая ткани...
Первый художник, дрожа, наносит
Глину с углем на шершавый камень.
И восстает из земли и пепла
Зверь настоящий, большой и страшный...
Годы сменяют друг друга слепо,
Мир изумленный все строже, старше,
Не повернуть – бестолково, щедро
Сыплются зерна для новой вехи...
Только рисунок во тьме пещеры
Ждет своего золотого века.

Среда. Начало

Кругом кусты. В ветвях обломанного цвета
Сухой упрек.
Седой барак, напоминающий о смерти,
Пивной ларек.
Машинный гвалт, сменивший воробьиных трелей
Заядлый хор.
Распятый в будке взрывом черной акварели
Охранник-вор.
Огни в оконных жерлах кончившейся ночи —
Толпа зевак.
В тиши молитв ответ загадочно уклончив:
Почем и как.
За стаей крыл, смеясь срывающихся следом
За горизонт,
Следит со шторы засыпающий последним
Зеркальный кот.
Встает трубач. Пролитый стон из инструмента
Расцветит чернь,
И, наконец, на сорока квадратных метрах
Сыграет день.
Упершись в тверди, косяки дверных проемов
Подхватят весть.
И будут в чудо верить люди – упоенно!
Не здесь. Не здесь...

Дни. Триптих

Понедельник

Ночью хлестал из небесной раны
Дождь на асфальт.
Утром больным
Рана зашилась и затянулась.
Сном беспокойным, на клочья рваным
Сутки проспять
Мы не вольны,
Все в лоскутах прекрестий улиц.
С места в карьеру начать и кончить
Долгий подъем
Вверх, не щадя
Ни живота, ни родных, ни близких.
Вечером страх первобытный ночи
Спиртом зальем,
Курим взятяг
Комменты братьев по переписке...

Четверг

Наше время потеряно,
Далеко утекло...
Ветви бьются в истерике

За стеклом.
Тучи быстро сгущаются...
Вдалеке, вдалеке
Сиротливое счастье
Бог несет в узелке.
Бережет, как реликвию,
Как бы не потерять,
Мимо ходят безликие,
Без царя.
Наше время несчастливо,
Не оставит следа.
Узелок замечательный
Не прибудет сюда —
В наши душные офисы,
В комнатушки без чувств...
Я ни смысла, ни пользы здесь
Не ищу...

Воскресенье

Кончилась суета
Жителей этих мест.
Кто-то сказал: он ушел навсегда.
Кто-то сказал: он воскрес.
А на соседний день
Жили насущным днем,
Жарили новости на плите,
Вовсе забыв о нем.

Гадание

Она гадала на рекламных огнях,
Огни упрямо ей твердили: не-Он.
Закат ссутулился и как-то обмяк,
И стало зябко под ногами его.

Она гадала на безликой толпе,
Но в гуще ключик невозможно найти.
Казалось, птицы и не думали петь,
Как будто не было в том городе птиц.

Осколки сердца впопыхах подобрал,
Дала зарок не думать больше о Нем.
А утром правду отыскала сама,
Букет ромашек увидав под окном.

Вернуться бы к ней...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.